

Наследство

ПАМЯТНИКИ Новгорода не подавляют величием, как устремленная ввысь готика, нет в них и осанности нарядных московских соборов, они задумчивы, соразмерны со здешней неброской природой и как-то приближены к человеку.

В тихих древних городах с громкой историей, пожалуй, поиниому, чем обычно, ощущаешь притяжение прошлого. Еще живут в старых стенах его тени, предания, тайны и звуки, эхом откликаясь в уцелевших названиях: Ярославово дворище, Перины, Синичья гора и все эти новгородские: «в Кожевниках», «на Славне», «на Козьей бороде». Средневековую историю воспринимаешь тут не отрешенно, а в ее нерасторжимости с настоящим и будущим, как непрерывное течение, капля в котором твоя собственная жизнь.

Летом я, как и многие москвичи, увидела на Крымском валу выставку «Спасенные фрески», незадолго до того представленную ЮНЕСКО в Париже. Она отразила ошеломляющий по трудности путь возрождения живописи знаменитой новгородской церкви Спаса на Ковалеве. Представьте себе, из 150 тысяч кусков и частиц окрашенной штукатурки, вынутых из руин расстрелянной церкви, реставраторы воссоздали около сотни композиций — 180 квадратных метров фресок, половину расколотой росписи. Больше двадцати лет жизни посвятили Александр Петрович Греков и его жена Валентина Борисовна спасению этой живописи. Только ей одной! Одинадцать лет назад «Известия» в первый раз написали о работе Грековых. Но к ней, право же, нельзя не возвращаться. Человеческий подвиг притягивает и нравственно обнадеживает. И потому, наверное, те, кто приезжает в Новгород, рвутся к Грековым, чтоб взглянуть не только на фрески, но и на них самих. Не удерживает посетителей даже заградительная надпись у входа во двор к древнему Лихудовскому корпусу, находящемуся в аварийном состоянии.

Я ПРИШЛА к Грековым в солнечный день, а в подвале корпуса, где они работают, горели лампочки. Грековы с юной помощницей занимались привычным делом. Помещение мастерской вроде бы обширное, но теснота в нем невообразима. Вприкрыт друг к другу стоят похожие на нары деревянные стеллажи с выдвигными полками. Чтоб добраться до верхних, надо подставлять лестницу. А на этих многочисленных полках десятки подобранных, но незакрепленных композиций.

Любители искусства прорываются в мастерскую, чтоб по-

смотреть фрески, и Грековы, не ропща, выдвигают тяжеленные полки. Но, конечно, для большинства жаждающих фрески остаются недоступными. Прямтаки диву даешься, как Грековы разбираются в своем хозяйстве, если учесть, что в проходах стоят бесчисленные ящички с цветными обломками.

Из них-то грековская бригада и собирает, как мозаику, живописные композиции. А каждый цвет встречается во множестве оттенков, не повторяясь в точности даже в одном сюжете.

Грекову, реставратору высшей квалификации, на недостаток престижной работы жаловаться никогда не приходилось: Успенский и Благовещенский соборы в Московском Кремле, новгородская церковь Федора Стратилата... Что же побудило его согласиться руководить реставрацией фресок Спаса на Ковалеве?

ОГЛЯНЕМСЯ в прошлое. В пору, когда средневековый Новгород набирал силу, цепочкой встали окрест него монастыри с каменными церквями. Малые расстояния отделяли их друг от друга не только в верстах, но и во времени. И вряд ли одной случайностью можно объяснить, что расписывали их почти подряд тогда, когда Русь укрепляла свой дух перед Куликовской победой. В то самое лето 1380 года и украсила артель мастеров храм Спаса на Ковалеве своей росписью, надо полагать, по-своему соревнуясь со свежей еще росписью ближней церкви Успения на Волотовом поле. Если волотская роспись была неистова, драматична, насыщена движением, то ковалевская — уравновешенна, умиротворенна, проникнута светом доброты и утешения.

Памятники эти стали знамениты лишь в наш век, когда ими заинтересовались всерьез художники и ученые. Увы, этот рас-

цвет длился недолго. Само завидное расположение их среди простора заливных лугов и полей оказалось роковым, когда под Новгородом загремели бои. Недалеко от Ковалева стоит теперь другой памятник нашего века — танк. В начале шестидесятых сделали в развалинах пробный шурф, выяснив, что в глубине завала есть мелкие части штукатурки с живописью. Но мало надежды внушило Александру Петровичу состояние ее, когда летом 1965 года вдвоем с археологом Б. А. Кол-

чиным забрались они в пролом сохранившейся каморы: холод и сырость были, как в леднике. Можно ли вылечить остатки фресок? Не перемешались ли они в завалах? Все было неясно. Да еще сразу начались организационные неурядицы. Грековы состоят во всесоюзном объединении «Союзреставрация», и местные мастерские отказались давать им рабочих. При желании в пору тут же было и отречься от невыгодной затеи. Но в натуре Александра Петровича соединились выдержка и доведенная до педантизма внутренняя дисциплинированность с творческой раскованностью, инженерной сметкой. Под стать делу оказалась и энергия Валентины Борисовны, ее исследовательские навыки. Поддержала и новгородская экспедиция МГУ.

Да благо, у истоков ковалевской эпопеи осенило Александра Петровича счастливое PROVIDЕНИЕ. Он предположил, что с первыми ударами артиллерии штукатурка с фресками осыпалась раньше, чем обвалились стены и кровля, а значит, и фрески оказались внизу, легли не вперемежку, а у «своих» стен. Эта мысль и стала, в сущности, ключом к успеху, определив строгий порядок разборки завалов, длившейся пять сезонов. К счастью, выдающийся памятник живописи изучали и фотографировали довоенные исследователи. Без глубокого вживания в древнюю роспись вряд ли бы удалось вернуть ее к жизни. А сколько еще угреков в «занаучивании» реставрации можно услышать от тех, кто распоряжается средствами! Но не импровизации на тему того или иного памятника нужны нам, а оживление подлинника.

При грековском максималистски бережном подходе к делу, все им доставалось тяжело. Собираемые с адским трудом и терпением фрески надо было еще надежно закрепить. Валентина Борисовна подобрала материал, в щитах из которого фрески не «рвутся». Смонтировавший первые титановые щиты институт согласился их изготовлять, поставив лишь условие — выделить ему двух рабочих за счет реставрационного предприятия. Но оно отказалось. Многолетнюю одиссею хоже-

дства по мукам за щитами описывать долго. Грековы не шли на компромиссы, которые могли бы повредить живописи. Потому и покоятся на стеллажах мастерской живописные композиции, подобранные за столько лет. Испытываешь восторг перед этой живописью, овеянной в ней трудом спасателей и — невольный страх за ее нынешнюю хрупкость. Страх, что все это может исчезнуть вновь и уже навсегда. Потому и вижу печаль в глазах Александра Петровича. Как-никак он перешагнул на восьмой десяток. Не терпится мастеру смонтировать собранные композиции — чутье художника тут надобно.

И вдруг недавно новгородские власти сами отыскали в городе изготовителя титановых щитов. Очевидно, потихоньку те начнут поступать к Грековым, благодарным за это, но как скоро? Мало, слишком мало пощадило время из достояния нашей древней культуры. По пальцам можно пересчитать памятники, сохранившие фресковые росписи. А ведь в них художники чувствовали себя наиболее раскованно, создавая своеобразные духовные энциклопедии своего времени. Как же должны мы беречь для себя и потомков то, что есть и что, может быть, можно еще возродить. Руки реставраторов пока не прикасались к руинам законсервированной церкви Успения на Волотовом поле — памятника, первостепенного по силе и красоте живописи. Неподалеку лежит в развалинах храм Михаила на Сково-родке. Его роспись раскрыли за четыре года до войны и не успели по-настоящему оценить. А ведь сейчас уже трудно сказать, можно ли что-то спасти.

Мы любим сюжеты, в которых праведники смиренны, а судьба к ним благосклонна. В жизни, однако, это редкое сочетание. Александр Петрович неукротим и упрям, когда дело касается его искусства. И судьба Грековых не балует, хоть они люди известные. Долгое время великую жизнь. Комната у них в центре Москвы, а пристанище в Новгороде: снимали веранду. Лишь года три назад после хлопот академика Д. С. Лихачева дали Грековым в Новгороде однукомнатную квартиру. Жизнь мало-мальски устроилась, и они стали работать тут круглый год.

Сейчас ковалевская церковь восстановлена. Временно вставлены в стену и три подлинника — возрожденные фрески. Казалось бы, им там и место! Но Александр Петрович тревожится за их судьбу. Кладка при реставрации велась с добавлением цемента, а не на одной известке, как в старину. И кирпич не тот, а засоленный. Не погибли бы фрески. Той церкви, в которой они находились, в сущности нет. А есть ли смысл вставлять подлинники в «макет»? Тут, считает Греков, уместнее было бы держать фотографии или копии. Аргумент убедительный. Место бесценным фрескам там, где уверенно можно их сохранить, — в музее. Создание такого музея в Новгороде запланировано в 90-х годах. В управлении культуры облсполкома я видела бумаги, на которых уже стоят даты, но бумаги бумагами, а реставрация в Новгороде движется в последние годы медленнее, чем даже в тяжелые послевоенные. Смущает и то, что сумма на нее дробится ежегодно на мелкие части, чтобы только поддержать жизнь многих хронически боль-

ных памятников. Потому и болит душа за судьбу фресок. **АЛЕКСАНДР** Петрович в день нашего знакомства спросил меня вдруг, не знаю ли песню, в которой есть строчки: «На дне Севастопольской бухты дремлют «Мария» лежит». С песней связаны воспоминания детства, в которых долгие годы воплощалась для него Родина. Ребенком попал он во время гражданской войны с родными в Константинополь, потом в Париж. А вернулся на Родину при первой же возможности, когда ему было уже под сорок, оставив в Париже свою мастерскую и налаженный строй жизни. Все начал сызнова. Спротивление судьбе научило его всякому ремеслу. Радиотехник и краснодеревец, лепщик и живописец. Обосновавшись в Ярославле, работал и столляр, и оформителем. Не сразу удалось стать реставратором. (К этому искусству он приобщился в Париже у близкой своей родственницы Натальи Петровны Грековой, ученицы К. Петрова-Водкина). Так что же удерживало его у ковалевских фресок даже в минуты отчаяния?

— Вы когда-нибудь слышали жаворонка в поле? Там в Ковалеве легко дышится. Летом шиповником пахнет, пчелы жужжат, а утром в вышине — жаворонок. Мир в душе. Все до боли родное. А работать я люблю, — сказал он просто.

В 8.00 Грековы изо дня в день начинают трудиться в 12.00 — перерыв. В 17.00 — конец рабочего дня. Рабочего, но не трудового. Из подвала, пока позволяло здоровье, Греков не уходил до одиннадцати вечера. Начиналось свободное время, которое он отдавал все тем же фрескам. Писал с них копии. Валентина Борисовна вначале сердилась: мыслимо ли жить без отдыха? Но отставала рядом с несговорчивым мужем и продолжала обычную их работу. Александр Петрович говорит, что ему доставляло удовольствие писать копии: «Я работал не за деньги — для себя». Повинуясь сердцу, а не по заказу. Многие годы копировал фрески, чтобы даровать им еще одну жизнь — для надежности.

Вглядываясь в свое прошлое, Александр Петрович вспомнил незнакомый мне рассказ Пришвина. Герой его, представ во сне перед судом всевышнего, с облегчением убеждался, что ему есть чем отчитаться за свою жизнь: не стыдно. «Думаю, что и мне стыдно не будет», — заметил Греков. Но не будет ли стыдно нам, если не поможем достойно завершить подвижнический труд. Время-то человеческое безмерно.

И. ПРЕЛОВСКАЯ.